

Леты“ (1809) и „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ“ (1813). По поводу рѣчи, произнесенной Шишковымъ при открытіи известной Бесѣды, Батюшковъ высказался очень рѣзко: „Иные смѣялись, читая его слово, — писалъ онъ Гнѣдичу, — а я плакать. Вотъ образецъ нашего жалкаго просвѣщенія! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармоніи въ періодахъ: *une stérile abondance de mots*, и все тутъ, а о ходѣ и планѣ не скажу ни слова. Это — академическая рѣчь? Гдѣ мы?.. И этотъ человѣкъ, и эти люди бранятъ Карамзина за мелкія ошибки и строки, написанныя въ молодости, но въ которыхъ дышитъ дарованіе! И эти люди хотятъ сдѣлать революцію въ словесности не образцовыми произведеніями, нѣтъ, а системою новою, глупою!“ ¹⁾ Батюшковъ былъ достаточно образованъ, чтобы понимать нелѣпость шишковскихъ нападеній и на новое направленіе, не представлявшее ничего зловреднаго, но способствовавшее успѣхамъ литературы въ обществѣ и развитію литературнаго вкуса, и на новый языкъ, относительно котораго онъ справедливо рассуждалъ, что языкъ не можетъ оставаться неподвижнымъ и, напротивъ, идетъ вмѣстѣ съ развитіемъ самого общества и государства. Батюшковъ понималъ также, что не однажды разражавшіеся тогда нападки на галлюманію представляютъ ту опасность, что, защищая патріотическій интересъ, они рядомъ проповѣдуютъ злостную вражду къ образованію, котораго и безъ того было слишкомъ мало.

Въ этомъ столкновеніи Батюшковъ стоялъ, безъ сомнѣнія, на лучшей сторонѣ общественнаго мнѣнія. Литературному дѣлу онъ оказалъ несомнѣнныя услуги расширеніемъ поэтическихъ интересовъ, вводя новые мотивы, расширяя знакомство съ произведеніями старой и новой иноземной поэзіи и такимъ образомъ расширяя опытъ, который былъ необходимъ для того, чтобы русская поэзія могла, наконецъ, выдвинуть свое собственное содержаніе на томъ же уровнѣ, какой давали современныя литературы Европы и который былъ нуженъ для ея самобытнаго достоинства. Но въ этой дѣятельности Батюшкова были, однако, существенныя пробѣлы: одна доля ихъ, вѣроятно, должна быть отнесена на счетъ болѣзненности, которая издавна надъ нимъ тяготѣла и окончилась его послѣднимъ прискорбнымъ недугомъ; съ другой стороны, эти пробѣлы принадлежатъ цѣлому поколѣнію. Въ данный моментъ историческое развитіе не можетъ дать больше того, что возможно для общества по его общему умственному и нравственному состоянію: для каждаго дальнѣйшаго приобрѣтенія на

¹⁾ Т. I, стр. 135—136, въ біографіи.